

ФИЛИП РИВ

«Прекрасное сочетание ретро, футуризма
и неземной любви, вокруг которой
разворачивается история».

FINANCIAL TIMES

ЭКСПРЕСС ЧЕРНЫМ «ПРИЗРАК»

От автора серии бестселлеров
«ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ»

Филип Рив
Экспресс «Черный призрак»
Серия «Хроники
Великой Сети», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/55542217>

Ф. Рив. Экспресс «Черный призрак»: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120516-4

Аннотация

<r>Зен и Нова путешествовали в другие миры и раньше, но теперь все изменилось: они прошли через ворота, которых вообще не должно быть, совершили ужасные вещи, которые нельзя исправить, и больше не смогут вернуться назад.</r>
<r>Новая Императрица Великой Сети только что вызволила из тюремного морозильника Чандни Ханса, а в жизни наследника великой династии и девушки-моторика появилось новое испытание – таинственная Черная Зона.</r> <r>Найти путь домой становится все труднее – да и как, если дома, возможно, больше не существует?..</r>

Содержание

Часть 1. Паутина миров	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Часть 2. Девочка-ледышка	25
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Филип Рив
Экспресс
«Черный призрак»

Philip Reeve

Black Light Express

© Philip Reeve 2016

© Л. Бородина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Часть 1. Паутина миров

Глава 1

Туннель существовал не дольше нескольких минут. Стены до сих пор дымились и даже местами светились, как будто их накаляло что-то очень горячее. По полу шли двойные железнодорожные пути, тянувшиеся почти на километр к самому сердцу горы, где туннель резко обрывался у глухой скалы. Что-то было вплавлено в стены и крышу: арочный проход, сделанный из совершенно незнакомого вещества, чем-то напоминающего кость.

Арка начала светиться. Свет не имел цвета и, казалось, не имел источника. Он струился внутри прохода, словно мягко колыхавшийся занавес. Оттуда дул легкий ветерок, принося с собой аромат, который смешивался с запахом обожженного гранита от еще теплых стен туннеля. Это был аромат моря. Глоток воздуха из другого мира.

И вдруг там, где только что ничего не было, возник поезд. Старый красный локомотив тащил за собой три вагона, выкатываясь из ниоткуда сквозь завесу света. Вперед него по туннелю неслась песня поезда и рев двигателя. В первом вагоне худощавый смуглый паренек по имени Зен Старлинг и девушка по имени Нова, которая на самом деле была вовсе

не девушкой, прижались лицами к окну.

Сначала было видно лишь опаленные остекленелые камни стен, пронесившиеся мимо. Потом они вылетели из туннеля: стены исчезли, и поезд помчался по открытой равнине. Мелькали неясные очертания, по обе стороны от поезда поднимались на дыбы странные молотоголовые твари, пугая даже Нову, пока та не поняла, что это всего лишь скалы. Широкие лагуны, похожие на упавшие зеркала, отражали пыльное голубое небо, несколько солнц и россыпь дневных звезд.

Зен и Нова уже не первый раз путешествовали на поезде из одного мира в другой. Они прибыли из Империи Сети, чьи станции были разбросаны по всей галактике и соединены К-шлюзами, через которые поезда перемещались от одной планеты к другой в мгновение ока. Но шлюз, через который они только что прошли, был новым: его вообще не должно было быть, и они проехали сквозь него, не зная, куда он ведет.

– В новый мир, – сказала Нова. – На новую планету, под новым солнцем. В место, которое никто, кроме нас, никогда не видел...

– Но здесь же ничего нет! – воскликнул Зен отчасти с разочарованием, отчасти с облегчением. Он не знал, что ожидал увидеть. Мистические города? Башни из света? Миллион Станционных Ангелов в приветственном танце? Их окружали только лагуны, низкие островки травы и красноватые скалы. Лишь кое-где на мелководье виднелись скопления бледных, флагоподобных существ.

Поезд заговорил. Старый красный локомотив «Дамасская роза» обладал собственным разумом, как и все локомотивы Империи Сети.

– Воздух пригоден для дыхания, – сказал он. – Не обнаружено никаких систем коммуникаций – я не получаю сообщений от систем сигнализации или управления железнодорожным движением...

Нова была моториком – человекоподобным андроидом. Она сканировала диапазон волн своим беспроводным разумом, ища Море данных этого мира. Ничего не обнаружилось. Только атмосферные помехи, накатывавшие, как прибой, и бессмысленная трель квазара¹ в миллионе световых лет отсюда.

– Может быть, в этом мире пусто, – предположила она.

– Но здесь есть рельсы, – сказала «Дамасская роза».

– Настоящие рельсы? – спросил Зен. – Обычные? Правильных размеров и все такое?

– Хм, – задумался поезд. – Есть один простой способ это проверить. Мы падаем? Нет. Поэтому могу сказать, что рельсы в прекрасном состоянии. Совсем как дома.

– Но откуда они взялись?

– Благодаря Червю, – сказала Нова. – Их проложил Червь...

Червь был инопланетной установкой, которая распарыва-

¹ Квазар – класс астрономических объектов, являющихся одними из самых ярких в видимой Вселенной.

ла ткань реальности для формирования новых шлюзов, она же выплавляла этот туннель в сердце гор. По мере отдаления от гор она выпускала гладкие новые рельсы, словно паук паутину. Вскоре Зен и Нова увидели на камерах «Розы» облако пыли, неуклонно движущееся впереди них. Внутри этого облака порой виднелись волнистые гребни и бесцветные яркие молнии, остающиеся от Червя, и очертания его сгорбленной массы, похожей на огромную полумеханическую личинку. Движущийся храм биохайтека, извергавший пар и странные сгустки света. Внутри него и под ним с головокружительной скоростью происходили масштабные промышленные процессы. Надо было не только раскладывать керамические шпалы по отсекам, как яйца, и натягивать на них рельсы, скрепляя болтами, но и срезать скалы или плавить породу, чтобы прокладывать короткие туннели. А для того чтобы рельсы лежали ровно, им нужно какое-то твердое основание, поэтому с землей под Червем что-то происходило, он делал ее тверже и глаже почвы вокруг, по ней прыгали странные пятнышки света. Они то появлялись, то пропадали, почти исчезая к тому времени, когда «Роза» добиралась до них.

– Он замедляется, – сказал, наконец, поезд и тоже сбавил ход. – Съезжает с линии. Делает отдельную ветку для себя...

Они проехали мимо Червя на медленной скорости. Он утратил радужный блеск, остановив беспокойное движение. Как будто он сгорел: черный холм, как остывшая лава. Где-то внутри него лежало мертвое тело Ворона – человека, кото-

рый построил его и которому этот новый мир стал могилой.

Стук колес изменился.

– Дальше рельсы есть? – спросил Зен.

– Дай-ка посмотреть, – сказала «Дамасская роза». – И снова пора спросить самих себя: мы падаем? Ой, опять нет...

– Я имел в виду, *откуда* здесь рельсы?

Червь отстал, потерявшись в светлой дымке, висевшей над незнакомыми лагунами, но на экранах «Розы» рельсы все еще тянулись вперед, только уже не такие блестящие. Они бежали до самого горизонта, где стягивались перспективой, как наконечник стрелы.

– Эти рельсы были тут и раньше, – сказала Нова. – Червь сделал рывок, чтобы соединить новый шлюз с веткой, которая здесь уже имелась.

Громко хлопая сухими крыльями, с багажной полки сонно спрыгнуло большое насекомое и принялось колотить по стеклу перед лицом Зена, словно желая выбраться наружу и исследовать новый мир. Монаший жук. Зен вздрогнул. У него бывали трудные времена, и самые худшие оказались связаны с этими насекомыми. Когда их собирается достаточное количество, они образуют разумный рой, и один из таких роев напал на него в Дездеморе. Должно быть, этот жук выжил после того случая. Лишившись разума без миллиона своих друзей, он по ошибке попал на поезд.

Нова осторожно поймала его меж сложенных ладоней. Зен подумал, что она его прихлопнет, но та ответила:

– Это подло. Бедняжка. Можно выпустить его, когда найдем подходящее место...

Поэтому он пошел искать коробку, чтобы положить туда жучка.

Ворон подготовил три вагона поезда. Зен и Нова еще не успели их изучить. Первым был старый ведущий вагон со спальней и ванной комнатой на верхней платформе, жилыми помещениями внизу и небольшим медпунктом в задней части. В середине шел вагон-буфет с морозильными камерами, набитыми едой. В заднем вагоне был целый склад вещей, которые, по мнению Ворона, должны были ему понадобиться: промышленный 3D-принтер, небольшой безбортовой грузовик с вездеходными шинами, два крытых отсека с запасными топливными элементами. Там был шкафчик, набитый скафандрами, и док, где заряжались фонарики и дроны-бабочки. Были стойки с ружьями, ледорубы, мотки веревок и коробки с другими припасами.

Одного взгляда на все это нагромождение вещей было достаточно, чтобы Зен ощутил теплое чувство от обладания всем этим. У него получилось, он стал богатым, как всегда мечтал. Теперь у него был *собственный поезд*.

Правда, не было никого, перед кем он мог бы им похвастать. Стражи, мудрые искусственные разумы, наблюдавшие за человечеством, не хотели открывать новый К-шлюз. Ради его открытия Ворон творил ужасные вещи, а Зен и Нова были его пешками. Они разбили поезд Императора, а сам Им-

ператор был убит. Теперь они никогда не смогут вернуться в Империю Сети. Мать Зена, его сестра и люди, которых он называл друзьями, были потеряны для него так же, как если бы он умер. Проведя кончиками пальцев по гладкой поверхности шкафов Ворона из живой древесины, он ощутил первый острый приступ тоски по дому.

Он вытряхнул из пластиковой коробки несколько пакетов с аварийными рационами Железнодорожных войск и вернулся с ними в служебный вагон. Нова стояла там же, где он ее оставил. Пойманный в ловушку жук дребезжал и шуршал крыльями в ее сложенных ладонях. Она склонила голову набок.

– В чем дело? – спросил Зен.

– В голосах, – сказала она. – Где-то около семидесяти пяти килогерц. Очень примитивные радиосигналы. Я думаю, что это голоса.

Тут вмешалась «Дамасская роза»:

– Я тоже их слышу. И, кажется, впереди есть станция...

Она открыла голографический экран и показала им вид с передней камеры корпуса. Среди зеркальных лагун поднялся невысокий холм. Железнодорожная линия тянулась к нему, и Зен видел, что там сходятся и другие ветки, извиваясь по низким насыпям вдоль воды. Одна из них пересекала длинный белый мост, похожий на рыбий скелет. По краям холма виднелось еще что-то белое – возможно, деревья или здания. А на вершине вырисовывались более крупные стро-

ения, сверкавшие странными гранями.

– Ворон был прав, – тихо сказала Нова. Слово «был» в отношении Ворона казалось ей более странным, чем все, что могло встретиться им в этом мире. У моториков не бывает родителей, но она считала, что относится к Ворону так, как человек относится к родному отцу, если этот отец умен, скрытен и довольно опасен. Она не то чтобы любила Ворона, но не представляла, что однажды его переживет. Ей хотелось, чтобы он все это увидел.

Насекомое нетерпеливо трепыхалось между ее пальцами. Зен протянул коробку и постарался не смотреть, как она запихивает жучка внутрь, закрывая крышку. Это навело его на неприятную мысль о приближавшейся станции. Станционные Ангелы, эти таинственные фигуры из света, которые иногда появлялись у К-шлюзов дома и рассказывали Ворону, как открыть новый шлюз, сами были немного похожи на насекомых: гигантские фигуры богомол, сотканые из света. Возможно, они будут ждать их здесь, чтобы поприветствовать «Дамасскую розу». Но Ворон говорил, это всего лишь проекции, так что вдруг настоящие Станционные Ангелы – и в самом деле гигантские жуки? Насекомые высотой с гимнастический снаряд?

Нова уже убрала коробку с жучком в карман куртки. Теперь она стояла у окна и смотрела на улицу. Зен встал рядом. Она не сводила глаз с проносившихся мимо пейзажей, но ее рука нашла руку Зена, и он переплел их пальцы. Тогда,

в те отчаянные часы, когда новый шлюз еще не открылся, он сказал, что любит ее, и они поцеловались. Теперь он не знал, что думать по этому поводу. Это странно – хотеть поцеловать моторика. Наверное, для моториков так же странно хотеть поцеловать человека, и он спрашивал себя, захочет ли она сделать это снова. Он всегда скрывал эмоции, даже от самого себя. Там, где Зен раньше жил, было не принято показывать, будто ты что-то ценишь, потому что другие люди могли это с тебя снять или разбить, или просто избить за такое. Он почти боялся своих чувств к Нове. Но очень радовался, что она рядом.

За окном он видел бледные веретенообразные деревья с пластинчатыми листьями, трепещущими на ветру, а между ними эти... *здания? Люди?* Здесь все, кроме деревьев, было незнакомо Зену. А потом задвигалось что-то длинное...

– Это что, *поезд?*

– Это Червь, – сказала Нова.

– Не совсем, – поправила «Дамасская роза». – Он меньше и проще.

На вид он был такой же недостроенный, недорощенный, как Червь Ворона. Сквозь серебристую раковину, торчали длинные гребни, раскачиваясь взад и вперед, будто шупали воздух. По бокам виднелись узоры, похожие на отметины на раковинах каури², а под ними – роговая пластина, которая выглядела привинченной к металлическим колесам. Он та-

² Род морских брюхоногих моллюсков.

шил за собой вереницу повозок. Когда Нова приоткрыла окно, они услышали глубокий, нестройный, дрожащий зов.

– Песня поезда? – спросил Зен.

– Если и так, – фыркнула «Роза», – то она не очень хороша.

Но «Роза» ответила собственным сигналом, и инопланетный поезд замедлил ход, чтобы дать ей возможность обогнать себя. Она остановилась у места, которое могло быть только станционной платформой, по-видимому, сделанной из сплошной плиты древнего стекла. На покрытой инеем поверхности собрались существа этого мира и с любопытством разглядывали «Дамасскую розу». Их голоса лились через окно, они пронзительно кричали и улюлюкали, словно стая птиц в джунглях на рассвете. Нова нахмурилась и включила программу перевода.

– Кто-то треплется со мной через очень непонятный канал, – чопорно объявила «Дамасская роза». – Понятия не имею, чего они хотят.

– Я думаю, мы влезли в их расписание, – нервно заметил Зен. – Если они ждали следующего поезда на Планету Икс, то, наверно, недовольны тем, что вместо него появились мы.

Платформа быстро заполнялась. Никто там не напоминал людей хотя бы отдаленно, а разнообразие существ было такое дикое, что Зен понимал, что, видимо, смотрит на обитателей дюжины миров, а не одного. Среди них было много трехногих антилоп в одеждах цвета индиго и черных стек-

лянных масках, а еще какие-то прозрачные гигантские три-тоны, чьи внутренние органы трепыхались и пульсировали в туманном теле. К передней части платформы пробрался кальмар, который каким-то образом научился ходить по земле и стал трогать щупальцами окна «Розы». Если бы Зен не держал Нову за руку, то подумал бы, что он оказался в кошмаре.

Но Нова просто повернулась к нему, улыбнулась и сказала:

– Ну, идем! Давай представимся.

И прежде, чем он успел попросить ее подождать или сбежать в последний вагон за ружьем Ворона на случай, если эти сбившиеся в кучу существа попытаются его съесть, она открыла двери, и они вышли, так же держась за руки, навстречу шуму, запаху и свету инопланетной станции.

Глава 2

Толпа существ слегка отступила назад, словно пораженная странной внешностью путешественников. И тут штуки, которые Зен принял за старые выцветшие палатки, внезапно ожили. Это были те же самые существа, стада которых он видел в лагунах, только не понимал, что это такое. Они столпились вокруг него, звеня и дребезжа, тряся тонкими, как бумага, кусками кожи, натянутыми между тощими конечностями. Они подняли щупальца как у морской звезды, чтобы потрогать его одежду и лицо. Он отпрянул, раздумывая, стоит ли их бояться. Зен чувствовал себя ребенком, которому все было в новинку. Но даже у ребенка есть инстинкты, а инстинкты Зена здесь были бесполезны. Существа-палатки нападали на него или просто проявляли дружелюбие? Он задумался, что сделать: поклониться, улыбнуться или сказать: «Мы пришли с миром»? Но если у них самих нет ртов, то как они поймут улыбку? Поклон мог оказаться смертельным оскорблением, а слова могли звучать не понятней простого шума.

Потом Нова открыла рот, и из него полилось то же самое жужжание и грохот, которое издавали «палатки».

Пришельцы замерли, дрожа, то сжимая, то разжимая маленькие ручки. Темные глаза-пятна, которые семенами лежали в наружных слоях кожи, скользнули и сфокусирова-

лись на ней. Толпа притихла, прислушиваясь. Нова повернулась, издавая улюлюканье и ржание, чем, похоже, обрадовала трехногих антилоп: те подняли треугольные головы, под их масками замерцали тусклые огни.

Она быстро взглянула на Зена и улыбнулась, довольная собой:

– Они говорят, что рады нам.

– Как ты это сделала?

Она постучала себя по голове:

– Программа для расшифровки. Уже начинаю переводить некоторые простые фразы. Я записала их звуки, так что могу им отвечать.

Антилопы ухали и ржали, опустив головы.

– Они говорят: «Добро пожаловать в... Йаарм». Так называется это место: Йаарм в Драгоценном саду. Прекрасно! Они рады встрече с нами. Говорят, что новые расы давно не попадали в Паутину миров.

Разговор продолжился. Голоса прозрачных тритонов были похожи на звук пуска газа в ванне. Существа со щупальцами использовали сложный язык жестов, и когда Нова попыталась заговорить с ними, размахивая обеими руками и ногой, они начали переливаться маслянистыми радужными красками, что, как догадался Зен, означало смех. Иногда она посылала сообщения ему на гарнитуру, объясняя, что ей только что сказали:

– Похоже, Паутина миров очень велика – тут тысячи стан-

ций... Они называют живые локомотивы морвами...

Но в основном она была слишком занята, пытаясь не отставать от разговора, редактируя и воспроизводя собственные ответы.

Зен начал чувствовать себя покинутым. Нова была намного умнее его. Испуганный всеми этими странными существами, он смотрел мимо них, на здания вокзала. За платформой возвышалось одно из больших строений, которые он заметил с поезда. Оно сделано из того же стеклоподобного материала, что и сама платформа, и было таким же древним и каким-то заброшенным на вид. По поверхности бежали трещины и разломы, все заросло ползучим сорняком. Тени удлинялись, инопланетные солнца опускались к горизонту. Там, где тень углублялась, моргала призрачным светом лиана, словно все ее листья и стебли были сделаны из стекла, как полые трубки, наполненные летним роем светлячков. Сквозь блестящие ростки Зен мог разглядеть узор на стенах...

– Странно, – произнесла Нова.

– Что такое?

– Я сказала им, что мы вышли встретиться со Станционными Ангелами, но они, похоже, меня не понимают. В смысле, я знаю, что здесь их, скорее всего, называют не Станционными Ангелами, а как-то иначе, но ведь они должны узнать по описанию: гигантские насекомые из света. Вряд ли можно не заметить подобное.

Она попыталась подражать движению Ангелов, но от это-

го кальмары еще чаще запульсировали яркими красками.

Значит, Зену все-таки было что добавить к разговору.

– Скажи, что имеешь в виду это, – произнес он, указывая на резную стену.

Похоже, большинство инопланетян знало, что означал такой жест, и все головы в конце концов повернулись посмотреть. Он осторожно пробрался сквозь толпу и отодвинул светившуюся лиану в сторону, чтобы узор стало лучше видно. Станционные Ангелы, плоские, как нарисованные на гробницах фараоны. Они указывали своими богомольными конечностями на стилизованные солнца и стертые линии, которые могли быть буквами. По толпе на платформе пробежал гул.

– Творцы рельсов, – сказала Нова, подходя ближе к Зену, пока антилопы, «палатки» и прозрачные существа что-то объясняли на разных языках. – Тут их зовут «Творцами рельсов». Но они говорят, что мы опоздали. Творцы рельсов ушли, давно ушли.

– Как же они тогда нас позвали? Проекции, посланные через К-шлюз, с которыми танцевал Ворон...

– Думаю, это были записанные сообщения, – ответила Нова. – Творцы рельсов открыли шлюзы, проложили рельсы и возвели здесь эти здания, но потом пропали, исчезли – был какой-то «Блэкаут», темный век, насколько я поняла. Теперь молодые расы для торговли пользуются Паутиной миров. Но по какой-то причине проекции творцов рельсов до сих пор работают, до сих пор зовут и зовут... О, Зен.

Вид у нее был печальный, но Старлинг почувствовал облегчение. Ангелы, или Творцы рельсов, или как их там еще называли, были не просто гигантскими насекомыми, что само по себе уже плохо. Скорее всего, они обладали невероятной силой, достаточной для постройки железной дороги, которая охватила бы всю галактику. Они могли бы стать Стражами, подобными богам. Но эти молодые расы казались не более развитыми, чем люди, а может даже менее.

– Скажи им, что мы пришли исследовать эту их Паутину, – решил он. – Скажи, Империя Сети просит, чтобы никто не проходил через наш К-шлюз, пока мы не посетим их миры, не встретимся с лидерами и не покажем то, чем торгуем. Скажи, что я – посол людей и пришел посмотреть, стоит ли нашей Империи открывать торговые связи с их мирами.

Нова нахмурилась:

– Но это же ложь. Мы не сможем вернуться домой. Стражи и семья Зенитов убьют нас.

– Знаю. Вот почему нам надо убраться подальше от шлюза, в эту Паутину миров – на случай, если они решат послать что-нибудь за нами. И не все из этого ложь: *мы будем* торговать. В третьем вагоне «Розы» полно вещей Ворона, и все они уникальны. А уникальность – это ценность.

Нова рассмеялась. Она беспокоилась о Зене. Было приятно видеть, что он до сих пор способен на махинации.

– Но однажды придется признать, что мы не можем вернуться.

– К тому времени мы будем уже далеко.

Нова задумалась на микросекунду, затем повернулась и что-то сказала толпе. Им, похоже, это понравилось. Они понимали, почему люди хотят посмотреть на Паутину до открытия торговли. Сами герастеки (кажется, так называются эти «антилопы») держали ворота в свои родные миры закрытыми долгие годы после того, как впервые вступили в контакт. Будет воздвигнут барьер, чтобы ни один поезд не мог попасть в мир людей без разрешения. И они будут желанными гостями на всех станциях Паутины: у герастеков, диков, чмойи...

Нова нащупала в кармане коробочку. Монаший жук, похоже, соткал там кокон. Сквозь шелковистые пряди она могла рассмотреть лишь темную сигарообразную форму его тела. Нова подняла его, чтобы спросить, можно ли выпустить такое насекомое в Йаарме, но некоторые из герастеков неправильно ее поняли и подумали, что она пытается его продать. Да, да, они купят! Сами по себе они не нуждались в насекомых, но иногда торговали с ними, а те любили насекомых, или ели насекомых, или собирали насекомых, а может, сами были насекомыми (переводческая программа Новы еще не научилась справляться со всеми интонациями языка, основанного на ржании). Она отдала им коробку с жуком, а они взамен дали ей три маленьких металлических стержня. Нова совершила свою первую сделку в Паутине миров.

После этого новичков повели на экскурсию по стационарному городу. Оба маленьких солнца уже сели, но стало ненамного темнее. Зен никогда не видел такой россыпи звезд, настолько ярких вееров светящегося газа: эти перья, вихри и занавесы заполняли ночное небо, скрывая в своих складках сияющие сквозь них звезды.

– Драгоценный сад! – воскликнула Нова, глядя сначала на него, а потом вниз, на звездные поля, отражавшиеся в неподвижных лагунах. – Этот мир, должно быть, находится в самом сердце туманности. Как красиво!

У каждого предмета было семь теней от семи ярчайших звезд. В их странном свете это место казалось еще более сказочным. Мимо проплыл червяк с синим мехом, таща за собой на серебряной цепи какую-то птицу, и Зен не смог определить, кто из них питомец, а кто – хозяин. Размашистые листья тихо шелестели на ночном ветру. Здесь были продуктовые лавки, от которых пахло химическими заводами, и паровые мастерские, чей дым отдавал арахисовым соусом. Были вещи настолько далекие от привычных критериев, что мозг отказывался воспринимать их, и взгляд просто недоуменно проскальзывал мимо. А еще были вещи, которые казались поразительно знакомыми, например, ювелирный киоск, где пара герастеков в стеклянных масках продавала изящные спирали из серебра и нефрита, предназначенные для украшения конусообразных рогов антилоп их вида. Зен на мгновение задержался, изучая витрину воровским

взглядом. Он был почти уверен, что сумеет незаметно для ювелиров спрятать одно из колец в рукаве. Возможно, в этом уголке галактики даже не знали, что такое воровство.

Но украшение было ему не нужно, и, в любом случае, Нова поняла, что он задумал (когда она впервые увидела Зена, он украл ожерелье из ювелирного ларька на Амберсайском Базаре).

Она сжала его руку и повела вперед:

– Никаких проделок, Зен Старлинг. Теперь на тебе лежит ответственность. Ты – Посол Человечества. Мы должны вести себя наилучшим образом, раз мы представляем весь наш вид.

– Неужели эти существа не понимают, что ты – моторик?

– Я думаю, они считают, что мы – человеческие самец и самка, – радостно ответила Нова. Она всегда радовалась, когда кто-то принимал ее за человека. – У них здесь не так уж много роботов. Я еще не видела тут ничего более продвинутого, чем технологии Древней Земли, за исключением биопоездов, и мне кажется, что их рождают, а не строят.

– Так ты собираешься рассказать им, кто ты на самом деле?

– Нет, – ответила Нова. – Так же как не скажу им, что ты вор. Это новые миры, Зен. Нам больше не обязательно быть теми, кем мы были. Мы можем стать, кем захотим. Мы оба можем быть людьми.

В ту ночь с лагун дул теплый ветер, что-то нашептывая

«Дамасской розе», пока та отдыхала на распутье у кромки воды. Ветер шевельнул занавеску на окне спального отсека, приподнял ее и бросил, пролив свет всех безымянных звезд на кровать, где Нова лежала, обнимая Зена. Если бы он повернул голову, то увидел бы звездные сады, сияющие в небе и воде, но он не мог отвести взгляда от ее лица. Свет тысячи солнц, и нынешних и еще не рожденных, касался ее широкого рта и сиял в том, что служило ей глазами. Тень от занавески скользнула по ее почти человеческой коже, по нарисованным веснушкам. У него кружилась голова от тоски по дому и шока, а впереди их ждала тысяча странных станций, но он каким-то образом знал, что с ним все будет в порядке, пока у него есть Нова.

Часть 2. Девочка-ледышка

Глава 3

Самое худшее в замерзании – это снова оттаять. Она проснулась от размытого света подводного аквариума в ужасном замешательстве, плавая в похожей на гроб ванне, в густой холодной жидкости. Это вещество было не только вокруг нее, но и в ней, заполняло легкие и горло. Ей следовало бы привыкнуть к такому, она же рецидивистка и уже трижды становилась девочкой-ледышкой, но она, как обычно, запаниковала. Выбираясь на поверхность сквозь еще мерзлую слякоть, она плевалась водой и задыхалась, пока разбудившие ее проводные куклы не схватили за руки и за ноги, вытаскивая из морозилки на холодный пол.

Потом она дрожала под теплым душем, а остатки криогенного геля стекали вниз через решетку между плитками цвета старческих зубов. Отклеивала сенсорные датчики. Пялилась на свое лицо в небьющемся зеркале над металлической раковиной. Смуглая кожа, со все еще морозной синевой вокруг губ. Ее звали Чандни Ханса. Она была бы очень хорошенькой, если бы ей не обрили голову и ее глаза не выглядели бы так, как сейчас.

Она вытерлась обветшалым тюремным полотенцем, наде-

ла свежее белье и бумажный тюремный халат. Затем прошла по красной линии на полу в следующее помещение и стала ждать, пока другая проводная кукла не принесет пластиковый пакет с одеждой, которая была на ней, когда ее арестовали. Одежда была хорошая: курта³ из интерактивной ткани, шикарные брюки и пара маленьких серебряных сандалий. Она купила их на последние деньги, украденные у богатого парня по имени Таллис Зенит.

«Беда в том, – подумала она, натягивая брюки, – что теперь все эти вещи вышли из моды». С похода по магазинам, который, как ей казалось, был несколько дней назад, как раз перед тем, как ее поймали синие мундиры, на самом деле прошло уже десять лет. Возможно, это было частью наказания. Ты отсидел свой срок, а потом снова оказался на улице в одежде десятилетней давности. Чтобы всем стало ясно: ты только что вышел из морозильной камеры, а значит, не сможешь найти работу и все такое и очень скоро сделаешь что-то, чем заработаешь еще один срок и снова превратишься в эскимо. Чандни уже в третий раз становилась ледышкой – или в четвертый?

Еще она украла у Таллиса Зенита гарнитуру и деньги, но их ей не вернули. То была красивая гарнитура, изящная бронзовая штучка, похожая на стебель растения, с кро-

³ Кúrта – традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Таджикистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Свободная рубашка, доходящая до района колен владельца, которую носят как мужчины, так и женщины.

хотными цветочными видео- и аудиотерминалами, которые прижимались к виску и за ухом. Чандни догадалась, что они вернули ее Таллису, как будто ему не хватало денег на новую. Ей выдали другую, громоздкую, одноразовую, в пластиковом конверте. Надев ее, она получила строго ограниченный доступ к Моря данных и много полезных советов о том, как снова влиться в общество. Кажется, гарнитура была сломана: показывала дату, судя по которой с тех пор, как ее положили в морозилку, прошло всего шесть месяцев. Она попробовала зайти на несколько базовых сайтов Моря данных, которые ей разрешалось посмотреть, но везде отображалась та же дата.

Это вселило в нее надежду и слегка насторожило. Если она действительно пробыла во льду всего полгода, то это было не так уж плохо. Может, ее одежда даже до сих пор в моде. Возможно, еще есть шанс связаться с кем-нибудь из тех, кого она знала, а не как раньше. Но она никогда не слышала, чтобы кому-нибудь срезали срок заморозки (за что, за хорошее поведение?). Так что, вероятно, произошла ошибка.

Может быть, ее выпустили вместо какой-нибудь другой несчастной ледышки. Она решила молчать об этом, пока шла по красной линии к последнему помещению. Там были настоящие окна: через них лился солнечный свет. По виадук, который изгибался над холодной тюрьмой, ехал поезд. Ее ждала настоящая женщина, хоть она и проявляла к Чандни не больше интереса, чем к проводным куклам.

Незнакомка надела ей на запястье браслет-маячок и сказала:

– Твоя сестра тебя ждет.

– Моя кто?

Женщина указала на стеклянные двери, ведущие в устланную ковром приемную. Там стояла еще одна женщина, ее лицо было скрыто прядью черных волос; она наклонилась вперед, чтобы рассмотреть один из плакатов на стене.

– Твоя сестра. Она проделала путь от Центральной станции, чтобы забрать тебя. Вам разрешено вернуться туда вместе. Советую оставаться там. Нам на Каравине не нужны такие, как ты.

Интересно выходило – Чандни знала наверняка, что у нее не было никакой сестры. Так что, скорее всего, девушка, ожидавшая в вестибюле, была сестрой другого заключенного, которого следовало разморозить вместо Чандни. И уж тем более она заметит ошибку, как только увидит Чандни, и Чандни уволокнут обратно и заморозят в гелевой ванне еще на девять лет и шесть месяцев – перспектива, которая вдруг показалась ей настолько пугающей, что она задрожала, чуть не заплакав, как маленькая девочка.

Но сдержалась.

– Ладно, – сказала она и направилась к дверям приемной, говоря себе, что возникнет минутное замешательство, когда эта дама увидит, что они разморозили не того человека, и в этот момент Чандни воспользуется шансом и сбежит. От хо-

лода у нее подкашивались ноги, но если она доберется до К-трассы, то, может быть, сумеет сесть на поезд, который любезно доставит ее на другую планету.

Двери разъехались. Женщина в холле обернулась. Она была старше нее и совершенно ей незнакома. Но при виде Чандни ее простое желтоватое лицо вдруг расплылось в очаровательной улыбке.

– Чандни! – воскликнула она слишком громко и подошла, чтобы заключить ее в первые настоящие объятия с тех пор, как Чандни была ребенком.

– Что ж, это странно, – сказала Чандни, уткнувшись в воротник пальто из искусственного меха своей ненастоящей сестры.

– Мнетак много надо тебе рассказать, сестренка, – по-прежнему деланно громко сказала незнакомка, хватая Чандни за руку и едва ли не силком вытаскивая наружу, в туманный солнечный свет. – Я все объясню, как только мы сядем в поезд. Идем! Если поторопимся, то успеем на рейс двадцать шесть тридцать два...

Поезд 26.32 до Центральной станции ждал на платформе: большой локомотив «Нгуэн-60» с вереницей двухэтажных серебристых вагонов. Увидев его, Чандни начала расслабляться. Она любила поезда. Как бы странно ни было выходить из тюрьмы-морозилки, как бы много всего ни менялось за время заморозки, поезда всегда были на месте, тер-

пеливо прокладывая путь через К-шлюзы из мира в мир. С поездами ты всегда знал, где находишься. Кроме того, в них было много людей, так что даже если странная женщина, которая забирает тебя из холодильника, притворившись давно потерянной сестрой, окажется ненормальной и решит тебя убить, а из твоей кожи нашить чехлов на подушки, то путешествие на поезде предоставит много шансов сбежать.

К удивлению Чандни, у женщины были билеты первого класса, которые никак не соответствовали ее дешевому пальто. Она подвела ее к переднему вагону и провела в шикарное отдельное купе. Когда двери мягко закрылись, она сняла пальто. Под ним оказалась черная одежда, которая выглядела одновременно очень просто и очень дорого, отчего собственные вещи показались Чандни слишком броскими.

– Меня зовут Кала Танака, – сказала женщина. – Я работаю на семью Зенитов.

– Ты имеешь в виду тех людей, которые заморозили меня на десять лет из-за того, что их сын сказал, будто я присвоила его деньги на карманные расходы? – спросила Чандни.

– Зениты – это семейная корпорация, – терпеливо объяснила Кала Танака. – Поэтому у них много ответвлений, много разных интересов...

– Мне не нужен исторический экскурс в историю семьи Зенитов.

– Именно, что нужен, – ответила Кала Танака. – Присядь. Она сказала это тихо, но так твердо, что Чандни замолчала.

ла и села. Как только она опустилась на мягкие подушки сиденья, поезд тронулся.

– Меня зовут *L'Esprit de l'Escalier*⁴, – произнес он через динамики, установленные на черепаховом потолке. – Я буду оповещать вас о подъезде к Пршедвёсне, Глорiette, Бухте Бхозе и Центральной станции...

– Тебе действительно не помешал бы экскурс в историю, – сказала Кала Танака. – В этот раз ты пробыла в морозилке всего полгода, но многое изменилось.

Она показала за окно, где здания маленького станционного городка Каравины скользили мимо, набирая скорость. Как и во всех городах-станциях, которые Чандни когда-либо видела, здесь нашлось место для голографического портрета Императора высотой с пару домов. Вот только по какой-то причине это был не Император. На нем была изображена молодая женщина примерно того же возраста, что и Чандни, с синими волосами и обычным лицом.

– Через несколько дней после того, как тебя заморозили, – сказала Кала Танака, – на Веретенном мосту произошло крушение поезда. Император Магалаксмий был убит. Велись споры о том, кто станет его преемником, но в конце концов Железнодорожные войска решили поддержать его младшую дочь, Треноди Зенит. Она – новая Императрица Великой Сети и та, на кого я работаю. И именно она устроила так, чтобы тебя раньше выпустили из морозилки, но если ты кому-ни-

⁴ «Дух лестницы» (фр.)

будь об этом расскажешь, то доказательств не будет, а мы все будем отрицать. Императрица желает поговорить с тобой и хочет сделать это совершенно конфиденциально. Ты понимаешь, что это значит?

– Я не дура, – сказала Чандни. – Это значит тайно.

Кала Танака улыбнулась ей:

– Хорошо. Я рада, что ты не дура. Путь до Центральной станции неблизкий и, возможно, скучный, но, кажется, мы отлично поладим. Ты уже проголодалась? Я закажу нам что-нибудь из вагона-ресторана, но есть, думаю, мы будем здесь. Лучше, если тебя увидит как можно меньше людей.

К тому времени они уже были за городом. Мимо проплывали знаменитые паровые озера Каравины, а следом – горы. Поезд набирал скорость, направляясь к К-шлюзу, который должен был доставить его к Пршедвёсне, находившейся в тридцати тысячах световых лет отсюда.

Чандни подумала о еде и решила, что ей нравится эта мысль. Но она по-прежнему ничего не понимала.

– О чем хочет поговорить со мной эта новая Императрица? – спросила девушка.

– Думаю, она сама тебе расскажет, – ответила Кала Танака.

Глава 4

В центре Сети располагалась планета под названием Центральная станция, узловой мир-хаб, чьи К-шлюзы давали доступ ко всем основным железнодорожным линиям галактики. Там вырос огромный город: зеленый, больше напоминавший прекрасно ухоженный лес с высокими зданиями, возвышавшимися тут и там над деревьями. Широкая река, усеянная парусами прогулочных катеров, вилась к океану. Вдоль ее берегов располагались несколько самых крупных зданий Империи: Управление расписанием К-трассы, башня Железнодорожных войск, пирамиды, в которых находились святыни Стражей. На холмах к северу, там, где начиналась река, стоял Императорский дворец, самое крупное здание из всех.

Официально он назывался Дурга, но это слово просто означало крепость или твердыню, или что-то еще на одном из древних земных языков, и такое название не очень ему подходило. Вероятно, тысячу лет назад его начинали строить как крепость, но после стольких поколений мирной жизни он стал явно напоминать дворец. Его возвели на гранитной горе с плоской вершиной. Первые люди, прибывшие на Центральную станцию еще до того, как та обрела нормальную атмосферу, обосновались в здешних пещерах. Позже, когда все утряслось, они начали строительство по бокам и сверху, расширяя его вверх шпильями из биотехнического слоновьего

бивня и специально выращенной кости. Широкие платформы выдавались вперед, усаженные искусными садами. На одной из самых высоких сидела сама Императрица, глядя на свои земли.

Никто никогда не предполагал, что Треноди Зенит станет Императрицей. Брак ее матери с покойным Императором был лишь временным, призванным скрепить некий деловой контракт между семьей матери и домом Зенитов. Треноди росла, зная, что наследницей трона будет ее сводная сестра Прийя, которой было суждено править еще до рождения и которой семейные генетики гарантировали, что она будет выглядеть именно так, как выглядела сейчас: блестящая, изысканная Прийя, будущая Императрица. Но, так или иначе, в суматохе, последовавшей за смертью отца, Прийя не смогла убедить железнодорожного маршала Лиссу Делиус, что будет хорошим правителем. Поскольку Лисса Делиус командовала Железнодорожными войсками со всеми их отрядами и боевыми машинами, к ее мнению, как правило, прислушивались, и она решила, что предпочла бы видеть, как рельсами правит Треноди. Прийя исчезла, а Треноди заняла ее место на троне-платформе Империи.

Даже сейчас, спустя полгода после коронации, она до сих пор не могла прийти в себя от странности происходящего. Приходилось посещать так много балов и приемов, повсюду мелькало столько приезжих первых лиц, которые должны были засвидетельствовать ей свое почтение, так много офи-

циальных портретов, для которых нужно было позировать, и новой одежды, которую приходилось подгонять по размеру. Вот почему, когда выдавалась возможность, она любила убежать от своих фрейлин, парикмахеров, визажистов, стратегов социальных сетей и охранников и подниматься сюда, в самый заросший и наименее модный из многочисленных дворцовых садов.

Формально она все равно была не одна – облако дронов личной охраны, замаскированных под колибри, постоянно парило вокруг, в то время как более крупные механизмы курсировали над садом, готовые нанести предупредительный лазерный удар по любому дрону-папарацци, который попытается сфотографировать ее для сайтов сплетен. Но она *чувствовала* уединение, это и было важно. Дома, на Малапете, она проводила в одиночестве целые дни, прогуливаясь по черному песчаному пляжу под домом, пока мать работала над картинами айсбергов, выброшенных на берег течением. Тогда одиночество ей надоедало, она страстно желала, чтобы с ней что-нибудь случилось. И вот оно случилось. Теперь тихие минуты в высоком саду были одними из немногих вещей, которые поддерживали ее ум в здравии.

Поэтому она сначала разозлилась, когда Кала Танака передала ей на гарнитуру сообщение, что уже поднимается. Но потом гнев пропал, потому что Кала добавила: «Я веду девочку».

Кала Танака была еще одной причиной сохранять рассу-

док. Все считали, что жить во дворце и каждый вечер ходить на званые обеды и балы – это так чудесно! Остальные члены ее многочисленной семьи завидовали Треноди, жалея, что Лисса Делиус не выбрала на эту должность их. Только ее дядя Нилеш, казалось, понимал, что новой Императрице может быть страшно и одиноко. Он был любимым дядюшкой Треноди – мягкий, ленивый, абсолютно не честолюбивый человек, который, похоже, вполне довольствовался должностью начальника станции на маленькой туристической луне Кхурсанди.

– И даже это было бы для меня слишком, – сказал он Треноди на ее коронационном балу, – не будь у меня помощника, который заботится обо мне. Возьми ее на некоторое время. Кала со мной уже много лет, а Кхурсанди ей не совсем по вкусу. Думаю, ей понравится во дворце.

Кала Танака приехала с ним на Центральную станцию и осталась там после его отъезда. Она была проста, добра, умна и чрезвычайно расторопна. Еще она не боялась сказать самым высокопоставленным членам семьи, чтобы они оставили Треноди в покое, когда считала, что Императрица слишком устала выслушивать их новые планы и предложения. Она могла перечить даже маршалу Делиус, когда график официальных обязанностей становился слишком напряженным. Кала была из тех людей, которые в напряженный день могут выкроить Императрице время для прогулки по саду. Кроме того, ее можно было тайно посылать в Каравину, что-

бы организовать досрочное освобождение мелких преступников из морозилок.

Треноди немного нервничала, глядя, как Кала и девушка идут к ней по заросшим тропинкам. У нее не было достаточно опыта общения с людьми низшего класса, за исключением того, что она вежливо улыбалась им из смотрового вагона имперского поезда, пока те стояли на станционной платформе и махали ей маленькими флажками. Она знала хорошо только одного подобного человека, и то не слишком удачно. Эта девушка, Чандни Ханса, невысокая и жилистая, выглядела довольно устрашающе. Кала заставила ее надеть платок, чтобы скрыть бритую голову, но одежда вызывала тревогу: вся из интерактивной ткани и искусственных алмазов, такие вещи можно было увидеть... В общем, Треноди не знала, куда нужно попасть, чтобы увидеть такую одежду. И хоть лицо Чандни казалось красивым, оно теряло свою прелесть, когда та на тебя смотрела. Глаза казались старыми для ее возраста: в них были горечь и подозрение.

– Поклонись, – сказала Кала Танака, кланяясь сама, и девушка угрюмо кивнула, глядя на Треноди.

В ответ Треноди слегка наклонила голову и сказала:

– Добро пожаловать на Центральную станцию, мисс Ханса. Надеюсь, твое путешествие было комфортным?

– Было бы еще комфортнее, если бы мне сказали, зачем я здесь, – ответила Чандни Ханса, бросив быстрый острый взгляд на Калу Танаку. – Я ничего не сделала.

Облако дронов Треноди почувствовало враждебность в голосе девушки и заняло оборонительную позицию. Треноди напомнила себе, что она – Императрица Сети и не должна бояться таких людей, как Чандни Ханса.

– Но это же неправда, не так ли? – спросила она. – Полгода назад ты подружилась с молодым человеком по имени Таллис Zenит, с которым познакомилась в поезде в Пршедвёсне. Ты взяла его с собой в Каравину и там ограбила.

Чандни Ханса смотрела мимо нее, на голубые парковые насаждения за дворцом, откуда доносились крики генетически модифицированных динозавров.

– Все в порядке, – сказала Треноди. – Я познакомилась с Таллисом Zenитом на своей коронации. Он очень скучный и, наверное, заслужил, чтобы его ограбили. Ты, вероятно, преподала ему ценный урок. С его стороны было неправильно требовать, чтобы тебя заморозили за такое незначительное преступление.

Чандни Ханса снова посмотрела на нее. Она не привыкла, чтобы люди высокого статуса разговаривали с ней вот так, и никому не доверяла.

– Поэтому ты меня выпустила?

– Отчасти, – сказала Треноди.

Неподалеку стояла каменная скамья с видом на шахматный сад: лужайка из шахматных клеток с топиарными шахматными фигурами, вырезанными из тиса. Тис был скрещен с ДНК ракообразных, и фигуры медленно двигались взад

и вперед на своих крабоподобных корнях, старательно играя партию. Треноди села на скамью и жестом пригласила Чандни присоединиться. Чандни оглянулась на Калу Танаку, словно подозревая подвох. Затем неохотно села.

– Пока ты была на Каравине с Таллисом Zenитом, – сказала Треноди, – на борт поезда Zenитов поднялся молодой человек. Он сказал, что его зовут Таллис Zenит, и был так похож на настоящего Таллиса, что мы ему поверили. Но он оказался самозванцем. Его реальное имя – Zen Старлинг. Он каким-то образом испортил поезд на Веретенном мосту, убив моего отца и многих других людей. Позже он появился на Сундарбане и причинил там еще больше неприятностей, прежде чем скрыться на старом поезде по заброшенной линии Большого Пса. И я так и не смогла выяснить, что это было и почему все так произошло. Настоящий, живой, дышащий интерфейс Стража Анаис-6 взял на себя ответственность за случившееся на Сундарбане и отправился вслед за Zenом Старлингом по нерабочей линии с офицером Железнодорожных войск по имени Малик, и с тех пор ничего не было слышно ни о ком из них. В Море данных об этом ничего не говорится, маршал Делиус утверждает, что ничего не знает, а Императрица теперь я – можно подумать, что я сумею узнать правду о чем-то подобном!

Ее голос становился все громче и громче, все злее и злее. Теперь боялась уже Чандни Ханса.

– Единственное, что удалось выяснить, – успокоила она

себя, – так это то, что в тот момент, когда все случилось, настоящий Таллис Зенит был на Каравине, с девушкой, которую встретил в поезде и которая в итоге его ограбила. И мне показалось, что это слишком большое совпадение. Поэтому я решила привезти тебя сюда и спросить, связана ли ты с произошедшим. И я даже не стану наказывать тебя, если скажешь, что связана. Я просто хочу знать.

– Я ничего не знала о саботаже поезда Зенитов, – сказала Чандни Ханса.

– Значит, ты общалась с Таллисом Зенитом только потому, что он тебе понравился? – спросила Кала Танака, которая стояла на страже чуть поодаль, наблюдая за медленными движениями шахматных фигур.

Чандни с отвращением ответила:

– Понравился? Этот заносчивый мальчишка из Зенитов? Нет. Меня не интересуют парни. И девушками я тоже не интересуюсь, если вы что-то подумали. Один человек заплатил мне, чтобы я подружилась с Таллисом и отвезла его в Каравину, вот и все. Сказал продержат его там неделю, но через несколько дней он мне надоел, поэтому я украла его гарнитуру и деньги и уехала.

– Этот человек, который тебе заплатил, был Зеном Старлингом? – спросила Треноди.

– Никогда не слышала ни о каком Зене Старлинге, – сказала Чандни. – И он точно не был похож на Таллиса Зенита. Он был старый.

– Насколько старый?

– Трудно сказать. Старый и странный. Белый, с седыми волосами. И тощий. Как из передачи по истории, какой-нибудь герцог с Древней Земли. Сказал, что его зовут Ворон.

– Ты не знаешь, где я могу его найти?

Чандни покачала головой:

– Я видела его всего пару раз на Глориете. В ту ночь, когда он заговорил со мной, мы столкнулись у старой станции, той, что заколочена досками...

– Возле линии Большого Пса? – уточнила Треноди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.